

ВОЗОБНОВЛЯЕМЫЕ РЕСУРСЫ И ТРАДИЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА НА ПЛЕЧАХ КУЛЬТУРЫ: ПРИМЕР ЧУКОТКИ

Шишло Б.П.

В предлагаемой статье делается попытка взглянуть на современное состояние традиционного хозяйства коренных народов Чукотки, как на следствия трансформации культуры, в которой экономика является не основным, но лишь одним из ее структурообразующих элементов. На Чукотке имеются два основных вида хозяйства, как два типа мироустройства общества: оленеводство и морской промысел. Здесь мы рассматриваем лишь первый из них в связи с актуальными проблемами.

Для современной этнологии сравнительная история трансформации культур коренных народов Чукотки и Камчатки дает обильную пищу для многих размышлений. По своему географическому положению, Камчатка дарит культуре даже большую возможность для уединения по сравнению с Чукоткой, почему, в своё время, известный ботаник В.Комаров (Комаров 1911) называл Камчатку “островом”. Однако, в культурной истории последних столетий Чукотка оказалась более похожей на остров, о чем напоминает статья 1256-ая «Свода законов Российской Империи», по которой чукчи (и, добавим эскимосы) составляли особый разряд инородцев, находившихся лишь чисто формально в подданстве государства.

Чукотку от русской колонизации защитила суровость ее природы и климата, а, главное, отсутствие соболя, по следам которого из России на северо-восток шли Атласов и другие землепроходцы. На Чукотке в 1926 году еще, в отличие от Камчатки, практически совсем не было эмигрантов (Chichlo 1993). Вот почему именно эта территория является примером чисто советского эксперимента, произведенного над культурой коренных народов.

Разница в географическом положении определила наличие природных ресурсов и акценты в хозяйственной деятельности народов крайнего северо-востока России. Так, если на Камчатке доминировало рыболовство, то на Чукотке, преимущественно в Анадырском районе, оно составляло в 1926 году лишь 2% в традиционной экономике. Морская охота на Камчатке, занимавшая в начале русской колонизации видное место, утратила свое значение к началу XX века, но продолжала быть основой хозяйств приморских чукчей и эскимосов.

Лишь оленеводство было одинаково жизненно важным как у олюторско-пенжинских коряков, так и у всех кочевников континентальной Чукотки. Но и здесь география, климат и степень длительности контактов с Россией вносили свои коррективы в советскую концепцию культурного прогресса. В чукотских совхозах коровы и свиньи никогда не могли так потеснить оленей как, скажем, в Хаилино на Камчатке, и мне неизвестны примеры на Чукотке, когда бы потомки оленеводов стали бы “свинарями” и “знатными доярками”.

Кризис домашнего оленеводства на Чукотке, наблюдаемый сегодня, был подготовлен самими концепциями развития коренных народов, которые в СССР составлялись и осуществлялись сверху, без учета особенностей поведения окружающей среды и культуры оленеводов и, конечно, вопреки желаниям самих жителей тундры. 4 марта 1993 года заключительный цикл неминуемого кризиса был отмечен постановлением главы Администрации Чукотского автономного округа «О чрезвычайном положении в отрасли оленеводства». Оно уникально в новой истории России и вообще человечества, потому что постановления “О чрезвычайном положении” обычно связаны с опасными ситуациями в городах и на территориях, деформированных природными катаклизмами или войной. Здесь же речь идет о самой мирной области хозяйства в мирное время. И однако ситуация в оленеводстве сегодня действительно катастрофична, она ставит под вопрос существование большей части чукотского народа, народа, который в начале нынешнего века считался хозяином самых крупных стад во всей северной тундре.

Оленеводство, как образ жизни и хозяйственной активности, как способ осмысления окружающего мира, порождающего систему сакрального знания и символов (*Weltanschauung*), опирается одновременно на качество природной среды и на качество культуры. Природная среда Чукотки до начала ее советизации была как раз предназначена для развития оленеводства. Сложный комплекс различных факторов, включая климат, естественную радиацию, рельеф поверхности, качество и температуру почвы, и пр. обусловили формирование тундровых ландшафтов Чукотки и растительности, в которых преобладают многочисленные виды лишайников, осоковые травы, пушицы и низкорослые кустарники – корма, входящие в круглогодичный рацион северного оленя (*Rangifer tarandus*). Причем в зимний период 75-80% всей фитомассы, необходимой оленю, составляет ягель. Условием возобновления ягеля, растущего чрезвычайно медленно, является поддержание необходимого баланса между площадью пастбища и количеством выпасающихся животных при условии сохранности тундры от разрушительных ситуаций (пожары и пр.).

В середине 1970-х годов пастбища на Чукотке составляли около 46 млн.га и в среднем на одного оленя приходилось около 80 га (Дроздилов 1975). Пастухи-чукчи, не употреблявшие понятия “оленеёмкость”, “саморегуляция биоценозов”, “системный подход” и пр., тем не менее прекрасно понимали, что количество и качество оленей связано с состоянием пастбищ, чем и обусловлен кочевой образ жизни их семей, передвигающихся по тундре на несколько километров каждые 6-8 дней, так что треть года они проводят в пути (Крупник 1989). Но уже в те, благополучные для плановых органов годы, когда оптимисты предсказывали возможное доведение поголовья домашних оленей до 600 тысяч голов (Андреев, Папернов 1969) признаки деградации природной среды становились все тревожнее. Запасы ягеля на Чукотке между 1950 и 1970 годами сократились на 21%. Главной причиной были промышленные разработки металлов и угля методами, унаследованными от ГУЛАГа, работы геологических партий, употребление в тундре тяжелых вездеходов ГАЗ-71 в том числе и оленеводческими государственными хозяйствами, ежегодные пожары.

К концу 1980-годов в Магаданской области, частью которой тогда была Чукотка, было уничтожено и повреждено около 13 млн. га пастбищ. Процесс необратимого разрушения ягеля (*délichenisation*) нарастал со скоростью от 1,5 до 4% в год (Андреев 1989). Его увеличению способствовал и экономический детерминизм, которым руководствовались плановые организации, диктовавшие неуклонное увеличение поголовья, и исходящие отсюда же ограничения, направлявшие “стихийный процесс в организованное русло”: административные границы районов и совхозов, ставшие непроницаемыми барьерами на пути древних кочевых маршрутов, строгие графики пути передвижения совхозных бригад, жесткие даты производственного цикла, определяемые сверху и не считающиеся ни с флюктуациями климата ни с другими факторами, видными оленеводу и направляющими его собственную инициативу и поиски гибких решений. Вследствии этого сообщества лишайников на многих пастбищах заместились дигрессионными фитоценозами (Железнов 1988).

Еще в 1990 г. специализированный и полезный журнал Магаданский оленевод (который вскоре и прекратил существование) предупреждал, что если не остановить темпы снижения кормовых запасов, то к 2000 году оленеёмкость пастбищ на Чукотке сократится и стадо должно будет уменьшиться до 524 тысяч (Моряков 1990). Уже тогда доля лишайников в зимнем рационе оленей, составлявшая в районах восточной тундры в 1950 г. 60% упала до 12%. Специалисты, прогнозирувавшие в городах, поведение тундры, даже в 1990 не могли себе представить скорое падение оленеводства, как следствие эрозии культуры.

Современное знание, предпочитающее оперировать “точными данными” может дать такой образ чукотского оленеводства в цифрах (Chichlo 1993; Иванов 1995):

Годы	1926	1934	1945	1955	1968	1976	1985	1990	1995
Поголовье оленей (в тысячах)	557	427	417	410	587	508	464	465	253

Данные 1926 года, когда чукчи впервые столкнулись с желанием “чужих” пересчитать их собственных оленей, являются условными. Имеются обоснованные мнения о том, что эта цифра сильно занижена, так как кочевники уходили со своими стадами от беспокоивших их пришельцев (Сергеев 1936). Если это так, то резкое уменьшение чукотского сводного стада между 1926 и 1955 годами подобно такому же падению между 1990 и 1995 годами и объясняется двумя серьезными стрессами культурного комплекса оленеводов. Первый из них более растянут во времени, в течении которого завершался процесс коллективизации хозяйств и начинался процесс переориентации мировоззрения детей оленеводов в советских интернатах. Второй стресс, который мы наблюдаем сегодня, подготовлен как первым, так и промежуточным, отмеченным падением числа оленей между 1968 и 1976 и обозначающим вступление оленеводства в совхозный период развития.

Интересно, что некоторые современные чукотские оленеводы (которых вообще осталось немного) говорят с ностальгией о колхозном периоде, и лишь оставшиеся в живых ветераны вспоминают историю формирования колхозов как кошмар. Это свидетельствует о том, что новейшее поколение оленеводов воспринимает происходящее как потрясение основ той культурной (колхозной) системы, в которой оно выросло, в той же мере, как предшествующее поколение воспринимало разрушение действительно древних традиций.

Для лучшего понимания нынешней ситуации необходимо принимать во внимание не просто поголовье коллективного стада, но забытые статистические данные о числе оленеводческих хозяйств на Чукотке в 1926 году: их было больше 1300 (Сергеев 1936). Люди, олени, природная сфера формировали тогда подвижные самоуправляющиеся сообщества разной величины. Вскоре государство приступило к управлению ими на “научной основе”. И вот финал советизации: к началу 1980 годов количество

хозяйств официально определялось числом совхозов, – их на Чукотке стало 27–, хотя внутри каждого из них еще продолжали существовать остатки реальных общин оленеводов в виде родственных групп или отдельных семей-оленоводческие бригады. Разумеется, не все из них представляли собой подлинные хозяйства, но лишь те, которые относились к оленеводству не как к “способу производства”, но как к образу жизни. Именно они воспользовались первой же возможностью, чтобы начать полную риска самостоятельную жизнь без всякой посторонней опеки.

Для того чтобы оленеводство могло нормально развиваться, придется несомненно отказаться от привычек управлять им и дать оленеводческим общинам возможность самоуправления. Это не исключает, напротив, подразумевает обязательность государственной охраны тундры и водоемов, составление добротных схем мониторинга пастбищ, развитие современной инфраструктуры оленеводства. Необходимо понять, что количество домашних оленей в тундре сегодня определяется в большей степени состоянием оленеводческой культуры и ее внутренними потребностями, чем даже состоянием пастбищ. Да, современное оленеводство переживает самый серьезный кризис за всю его длительную историю, но “радикальные меры”, для его возрождения, как предлагают из лучших побуждений некоторые специалисты, абсолютно исключены. Что нужно сделать сегодня? Подготовить новое поколение оленеводов. Вот и всё. Легко сказать “всё”. Ведь культура растет так же медленно как ягель в тундре, но она не остается неизменной.

В том, что происходит сейчас в оленеводстве, необходимо видеть начало естественного процесса разукрупнения советских коллективов, начало процесса регенерации маленьких обществ, попытку реадaptации их к тем условиям, которые диктует окружающая среда чукотской тундры и поселков, здравый смысл традиций и технические навыки хозяйства, проверенные временем и опытом. Этот процесс наткнется на жесткие стереотипы волонтаристской экономики и на жестокость “смутного времени”, точно так же, как оленевод созданной им общины, наткнется на искусственные границы пастбищ – наследие административной географии и промышленных районов СССР.

Невозможно предсказать, какое количество оленей будет завтра в чукотской тундре. Вероятно гораздо меньше, чем это хотелось бы людям, мыслящим прежними госплановыми категориями. При благоприятных обстоятельствах количество животных в будущем несомненно увеличится, если это будет нужно самим оленеводам, если это позволят ресурсы их культуры, поддерживающей ресурсы пастбищ. Можно лишь себе представить будущего пастуха, имеющего во внутреннем кармане кухлянки портативный телефон, связывающий его с любой точкой земного шара, а не только с “центральной усадьбой” бывшего совхоза. Он будет пользоваться

одинаково удобно надежными мотосанями и оленьей упряжкой, сочетать религиозное почтение к природе со знанием современного мира. Очевидно, что полный возврат в культуру предков невозможен. Возможно лишь интегрировать сохранившееся наследие предков в ту культуру которая есть, культуру, которая всегда развивается, совершая взлеты и падения.

Литература

- Андреев В.Н.* Предотвратить экологический кризис в оленеводстве// Магаданский оленевод. Вып. 41. Магадан, 1989, с. 67-72.
- Андреев В.Н.* Панернов М.И. Олени пастбища Магаданской области и проблемы их рационального использования и улучшения. Проблемы развития производственных сил Магаданской области // Материалы Второго научного совещания 3-5 июня 1968 г., т.3. Магадан, 1969, с. 65-68.
- Дроздилов В.И.* Резервы повышения продуктивности северных оленей. Магадан, 1975.
- Васьковский А.П., Волобуева Н.Г., Железнов Н.К.* Проблемы изучения и охраны ландшафтов Северо-Востока СССР. ДВО АН СССР. Владивосток, 1988.
- Иванов В.* Оленеводство: вверх по лестнице, ведущей вниз? // Крайний Север, 23 марта 1995. Анадырь, 1995.
- Крупник И.И.* Арктическая этноэкология. Москва, 1989.
- Комаров В.* Два года на Камчатке (Ботанический отдел Камчатской экспедиции Ф.П. Рябушинского). Москва, 1911.
- Моряков В.А.* Оленьим пастбищам – гарантию долголетия // Магаданский оленевод. Вып. 42. 1990, с. 41-43.
- Сергеев М.А.* Народное хозяйство Камчатского края. АН СССР. Москва-Ленинград, 1936.
- Chichlo B.* Les autochtones et leur environnement: entre la colonisation et la perestroika // Sibérie III, Questions sibériennes. Les peuples du Kamtchatka et de la Tchukotka. Institut d'études slaves. Paris, 1993, с. 35-71.